

- систем с демократическими же системами можно считать известную книгу К. Коукера (см.: *Коукер К. Сумерки Запада*. М., 2000).
- ³ «Граница, за которую государственной власти, по представлениям и либералов, и демократов, ступать не положено, и где, по идее, должны господствовать “права человека” – пишут Е.С. Алексеенкова и В.М. Сергеев, – снова исчезает, и возникает “беспредельная власть”. Снова, как и в период абсолютизма, внутри государства формируются непрозрачные зоны, попадая в которые, человек сталкивается с неведомыми ему механизмами властвования и практиками взаимодействия индивида и государства – неинституционализированными сферами политики, где власть фактически не имеет предела... Опыт XX в. показал, что возможность реализации идеи создания прозрачного либерально-демократического государства оказывается значительно ограниченной прежде всего потому, что такое государство не является первичной, а, следовательно, наиболее естественной формой властвования» (*Алексеенкова Е.С., Сергеев В.М. Темный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности)* // Полис. 2008. № 3. С. 150.
 - ⁴ Показательна в этом плане та стратегическая оценка потенциала и перспектив развития Саратовской области, которую дал губернатор П. Ипатов (см.: *Петрова Е. Пошаговая стратегия* // Общественное мнение: Обществ.-полит. и экон. журн. Саратов, 2008. № 10(108). С. 12–13).
 - ⁵ Доктор исторических наук С.П. Перегудов пишет по этому поводу: «... взаимодействие бизнеса и бюрократии, олицетворяющих наиболее влиятельные структуры соответствующих подсистем, происходит, в основном, по линии распределения и перераспределения собственности <...> переход от одной фазы перераспределения собственности к другой ведет к изменению не только характера взаимодействия “игроков”, но и их состава <...> В результате большой бизнес и госуправленческие кадры сплачиваются не только как заинтересованные друг в друге стороны, но и как функционально родственные элементы целого, кое-где сливаясь воедино и образуя тот самый “правлящий класс”, который вершит делами страны от имени (как бы) всего общества» (*Перегудов С.П. Конвергенция по-русски: «золотая середина» или остановка на полпути?* // Полис. 2008. № 1. С. 99).
 - ⁶ Российская идентичность в социологическом измерении: Аналит. докл. Рабочая группа Ин-та социологии РАН. Ч. 2. Особенности жизненных ценностей и устремлений россиян. Демократические ценности в структуре массового сознания россиян // Полис. 2008. № 2. С. 81–104.
 - ⁷ *Губогло М.Н.* К изучению проблемы адаптации населения в условиях общественных преобразований в постсоветской России. Замысел, методология и инструментарий исследования // Отечественная история. 2002. № 6. С. 123.
 - ⁸ «Задача государства, – писал классик либеральной германской политической философии Людвиг фон Мизес, – как ее видит либерал, заключается единственно и исключительно в гарантировании защиты жизни, здоровья, свободы и частной собственности от насильственных нападений. Все, что идет дальше этого, является злом. Правительство, которое вместо выполнения этой задачи стремится зайти так далеко, что фактически посягает на личную безопасность жизни и здоровья, свободу и собственность, будет, разумеется, отрицательным явлением. <...> К крайностям склонны не только абсолютные монархи и аристократы, но и широкие народные массы, в руки которых демократия передает высшую государственную власть» (*Мизес Л. фон Либерализм*. Челябинск, 2007. С. 77–78.).
 - ⁹ *Немерюк Е.Е.* Миграция и рынок труда в современном российском обществе: социологический анализ. Саратов, 2006. С. 285–286.
 - ¹⁰ Там же. С. 286.
 - ¹¹ *Цимбалов И.П.* Бедность и богатство в рыночной экономике (социально-экономическое исследование). Саратов, 2006. С. 4.

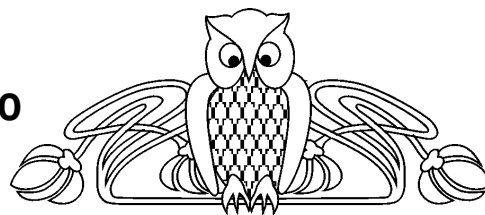
УДК [327:070] (470+571+73+479.22)

ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ: ПРОБЛЕМА ПОЛИТИКО-ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И США (по материалам «Российской газеты» и «The Washington Post»)

А.А. Казаков

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: champy@yandex.ru

Автором анализируются посвященные грузино-югоосетинскому противостоянию статьи «Российской газеты» и «Вашингтон Пост», опубликованные в августе 2008 года. В центре авторского

внимания находятся общая содержательно-фактологическая картина конфликта; термины, эпитеты и метафоры, используемые указанными изданиями в отношении самого противостояния и участвующих в нем сторон; наиболее типичные виды заголовков и способы завершения статей, а также применявшиеся методы воздействия на читательскую аудиторию.

Ключевые слова: политическая коммуникация, информационное взаимодействие, Россия, США, средства массовой информации, политические технологии.

Georgian and South Ossetia Conflict: the Problem of Political and Information Cooperation of Russia and the USA (from "The Rossiyskaya Gazeta" and "The Washington Post")

A.A. Kazakov

In this paper the articles from the Rossiyskaya Gazeta and the Washington Post, devoted to the Georgian and South Ossetia confrontation are analyzed. In the centre of the author's attention there is the whole picture of the conflict as well as separate facts of it; the terms, epithets and metaphors used by the above-mentioned newspapers towards the confrontation as it is and towards the sides taking part in it; the most typical kinds of headlines and conclusions, and also the applied methods of influence over the readers.

Key words: political communication, information influence, Russia, the USA, Mass-Media, political technologies.

Разразившийся в начале августа грузино-югоосетинский конфликт заметным образом повлиял на содержание и характер всей системы международных отношений. Военное противостояние практически сразу же перешло с локально-территориального на глобально-политический уровень, а в его орбиту оказались включены не только стороны – непосредственные участники конфликта, но и другие государства, в том числе Россия и США, от позиции которых в сегодняшнем мире традиционно зависит очень многое. Однако в рамках данной статьи в фокусе нашего внимания находятся не действия, предпринятые российскими и американскими властями для нормализации ситуации на Кавказе, а лишь один из аспектов информационно-коммуникационного взаимодействия указанных государств в обозначенном вопросе. А именно характер и особенности освещения августовских событий «Российской газетой» и «Вашингтон Пост», по праву считающимися одними из самых авторитетных печатных изданий в России и США.

Объектом нашего исследования стали посвященные грузино-югоосетинскому противостоянию статьи указанных газет, опубликованные в августе 2008 г., когда конфликт переживал так называемую «горячую» фазу, и к нему было приковано наибольшее внимание общественности и СМИ. Всего за отчетный период в рассматриваемых изданиях вышло 60 удовлетворяющих заявленной теме материалов (41 – в «Российской газете» и 19 – в «Вашингтон Пост»). Средний объем материалов, посвященных кризису на Кавказе, составил 5370/5460 знаков, или 750/740 слов (в «Российской газете» и «Вашингтон Пост» соответственно), что может говорить о достаточно большом внимании, уделяемом изданиями интересующей нас проблематике.

Предметом проведенного анализа являлось: 1) общая содержательно-фактологическая картина конфликта, представленная в «Российской газете» и «Вашингтон Пост»; 2) термины, эпитеты и метафоры, используемые изданиями в отношении

самого противостояния и участвующих в нем сторон; 3) наиболее типичные виды заголовков и способы завершения статей; 4) применявшиеся методы воздействия на читательскую аудиторию. В ходе исследования чаще всего нам приходилось использовать такие методы, как сравнение, умозаключение по аналогии, контент-, ивент- и дискурс-анализ. В своей совокупности они позволили проанализировать и обобщить достаточно большой объем несистематизированной информации, найти сходства и различия в освещении конфликта двумя изданиями.

Осуществленная подобным образом систематизация позволила нам составить общее представление об отношении «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» к рассматриваемому конфликту, его причинам и значению. Кардинальные различия в позициях изданий становятся очевидными уже на стадии выявления инициаторов конфликта. Так, по мнению авторов «Российской газеты», войну при негласной поддержке США развязал президент Грузии Саакашвили. Вашингтон знал о готовящихся боевых действиях, но предпочитал держать это в тайне. Более того, разразившееся противостояние во многом было выгодно американцам, взявшим на вооружение метод дистанционного ведения войны против России – силами армейских подразделений третьей стороны¹. Задача формулировалась достаточно просто: дожидаться эскалации напряженности в этом регионе, обвинить базирующихся в нем российских миротворцев в том, что они не справляются со своими обязанностями, и потребовать их замены на западных военных².

В отличие от своих российских коллег, корреспонденты «Вашингтон Пост» единственным инициатором и виновником конфликта считали Россию, мечтающую, по их мнению, о том, чтобы отстранить Саакашвили от власти, заменить его российской марионеткой, включить Абхазию и Южную Осетию в состав РФ и осуществить «финляндизацию» Грузии. Реализация подобного замысла, во-первых, позволит русским контролировать трубопровод «Баку – Тбилиси – Джейхан» и, во-вторых, предостережет ее бывших «сателлитов» от чрезмерного сближения с Западом³.

Разумеется, такое поведение «бывшей империи» не должно остаться без соответствующей реакции со стороны Запада. Анализ публикаций «Вашингтон Пост» позволяет сделать вывод о том, что потенциальный консолидированный ответ западного мира нашей стране должен включать в себя действия, направленные непосредственно против нее: отказ во вступлении в ВТО, исключение России из «Большой восьмерки», приостановление работы Совета «Россия – НАТО», американо-европейский бойкот Олимпиады в Сочи, юридическое преследование В. Путина и бизнесменов из «его команды»⁴.

Необходимо также отметить, что, по сравнению со своими заокеанскими коллегами, журна-

листы «Российской газеты» значительно больше внимания уделяли информационному «фронту» противостояния России и Запада (на страницах «Российской газеты» гораздо чаще появлялись выдержки из европейских и американских газет по поводу конфликта, публиковались интервью отечественных политиков зарубежным СМИ, рассматривались варианты повышения эффективности позиционирования страны на мировой арене и т.п.) и вопросы функционирования международных институтов (прежде всего ООН и властных структур ЕС), от деятельности которых во многом зависит решение данного конфликта.

Именно так с содержательной точки зрения августовские события на Кавказе виделись корреспондентам «Российской газеты» и «Вашингтон Пост». Однако, помимо этого, в сферу нашего внимания входили также и методы, при помощи которых издания формировали у собственной читательской аудитории подобное видение реальности. При этом одним из действенных механизмов влияния на сознание читателя нам представляется использование авторами статей специфических слов и выражений, несущих вполне определенные – как правило, необходимые газете – коннотации и эмоциональную нагрузку. Все многообразие отобранных по такому принципу дефиниций мы сочли уместным разделить на несколько блоков.

Первый из них – самый обширный по составу – посвящен участникам конфликта. В «Вашингтон Пост» больше всего эпитетов, метафор и сравнений было адресовано России. Если формировать свое мнение о нашей стране, базируясь исключительно на материалах этого издания, то получится, что Россия – это «вознесшийся в небеса» «возрождающийся гигант», «нация, помешанная на завоеваниях», пытающаяся за счет «энергетической экспансии» реабилитироваться за «годы политической незначительности» и не скрывающая при этом своих «имперских амбиций». В политическом плане это «смесь политической автократии с коррупцией» или же «гротескно-коррупцированный авторитарный режим» с «громоздким аппаратом безопасности», где у власти находится «клика» «чекистов-олигархов» и «приспешников» Путина. Выражаясь же образно, можно сказать, что Россия – все тот же пресловутый «медведь», не способный распорядиться «бесхозными боеголовками».

Журналисты же «Российской газеты» в центр собственных словесных острот чаще всего помещали Михаила Саакашвили – «ставленника» и «протезе» американцев, «проект Белого дома», «бесноватого» «незрелого политика», «грузинского Муссолини» или «Прометейя», «мальчика со спичками», «настоящего фашиста», проводящего «импульсивную и безумную политику» и при этом нередко прибегающего к «открытой лжи».

На этом фоне любопытно взглянуть на то, какими наиболее типичными словами и выражениями издания характеризуют Грузию. На страницах

«Вашингтон Пост» она чаще всего предстает в виде «имеющей малочисленную армию» «небольшой кавказской республики», «крошечной соседки России» и просто «прекрасной страны», в которой функционирует «демократически избранное правительство». Управляет же ею «обладающий огромными талантами» «маяк свободы», «бесшабашный друг Америки» (порой, правда, и «грузинский прислужник Буша»), «прозападный модернизатор страны», «демократический президент» Михаил Саакашвили.

Совершенно противоположными эпитетами наделяют эту страну обозреватели «Российской газеты». Для них Грузия – это всего лишь «южный хомут» для Европы, «американский будильник», «второй штат Джорджия» или же «заморская территория» США.

Помимо характеристик участников конфликта, обращает на себя внимание и то, каким образом – с использованием каких слов и выражений – описываются произошедшие в первой половине августа события. На наш взгляд, чтобы окончательно убедиться в том, чью сторону в конфликте занимает «Вашингтон Пост», достаточно просто перечислить варианты лексических обозначений действий России в отношении Грузии, используемые на страницах данного издания: «не имеющая оправдания агрессия» «фальшивых российских миротворцев», «разорение и уничтожение инфраструктуры», «нападение», «вторжение», «оккупация», «массовая резня мирных жителей Грузии», «провокация», «буйство», «грабеж», «балканизация Кавказа» и «непростительное избиение соседней страны». А все это вместе – не что иное, как «гангстерское поведение России», «грязная маленькая война» с использованием «метода большой лжи», «пятно на репутации» и, вообще, – «гадкий факт» и «горькая правда» из истории России!

По-иному видятся произошедшие в августе события журналистам «Российской газеты»: «страшная трагедия», «война», «агрессия Грузии», «геноцид югоосетин», «кавалерийская атака Белого дома», за которой последовала «вспышка расизма против России на Западе». Как и в случае с характеристиками участников конфликта, на наш взгляд, можно констатировать то, что, с точки зрения интенсивности использования ярких, образных слов и выражений, материалы «Российской газеты» выглядят менее эмоциональными и более сдержанными, нежели публикации «Вашингтон Пост». Причем это становится особенно очевидным, если учесть более чем двукратное превосходство «Российской газеты» над «Вашингтон Пост» по количеству касающихся грузино-югоосетинского конфликта статей.

Другой составной частью предмета нашего анализа стали используемые «Российской газетой» и «Вашингтон Пост» типы заголовков и способы завершения статей. Говоря о том, каким образом авторы рассматриваемых изданий чаще

всего предпочитают озаглавливать свои материалы, необходимо отметить следующее. Главной функцией заголовка как структурного элемента любой газетной статьи является привлечение внимания читателя. Другими словами, необходимо, чтобы, бегло прочитав название публикации, человеку захотелось познакомиться с ее основным содержанием. В этом плане посвященные кризису в российско-грузинских отношениях материалы «Российской газеты» и «Вашингтон Пост», по нашему мнению, в большинстве своем соответствуют общей теории журналистского дела.

Так, заголовки лишь малой части из проанализированных нами статей могут быть отнесены к категории нейтральных: например, «Сложное не лежит на поверхности», «Шесть новых заповедей», «О конфликте в Грузии» и т.п. Названия же остальных материалов с полным правом можно считать не столько методами простого информирования читателя о каком-либо факте, сколько способом воздействия на сознание аудитории с определенной целью – прежде всего, формирования того или иного отношения к описываемому событию.

Вместе с тем, на наш взгляд, имеет место очевидное различие в характере применяемых для этого средств. Так, в 12 из 19 статей «Вашингтон Пост» используются так называемые «заголовки-вопросы» (например, «Новая опасная доктрина России?», «Кто заставил Россию пойти в наступление?», «Что может сделать Запад?» и т.п.) или «заголовки-оценки» (например, «Грузинская бесшабашность», «Путин – не Гитлер», «Война в Грузии демонстрирует “слабость” России» и т.п.). В «Российской газете» же, напротив, преобладают «заголовки-констатации» (например, «Обама назначил “вице”», «Все козыри в руках Кремля» и т.п.) и «заголовки – образные слова или выражения» (например, «Геностыд», «Мы имдали», «Мальчик со спичками», «Операция “Маккейн”» и т.п.).

Схожее деление на виды можно применить и к концовкам статей. В части проанализированных нами публикаций просто подводятся итоги и делаются выводы по какой-либо поднятой проблеме. Это, своего рода, «концовки-констатации/фиксации». Особенно широко данный способ завершения статей распространен в «Российской газете» – встречается в каждой четвертой публикации⁵. Подавляющее же большинство статей «Вашингтон Пост» – 13 из 19 – заканчиваются выражением надежд или советами/призывами к подразумеваемому адресату: «Пора убедить его (Путина. – А.К.) в обратном!»⁶, «Бросить вызов такому положению дел – стратегическая необходимость»⁷, «Нельзя допустить, чтобы Грузию раздавили!»⁸

На наш взгляд, анализ наиболее типичных для рассматриваемых изданий способов озаглавливания и завершения статей позволяет предположить следующее. Видя в качестве потенциальных адресатов своих материалов как

рядовых граждан Америки, так и представителей действующей власти, «Вашингтон Пост» не только осуществляет функцию информирования и выступает в качестве посредника между социумом и властью, но и попутно пытается воздействовать на сознание собственной аудитории, влиять на принятие политических решений. «Российская газета» же в большинстве случаев предпочитает ограничиваться простым информированием своих читателей о произошедших событиях, оставляя им право самостоятельно делать соответствующие выводы.

Помимо специфически подобранных слов и выражений, а также определенным образом построенных заголовков и способов завершения статей, формированию у читательской аудитории нужных изданию представлений и мнений о кризисе на Кавказе способствуют и вполне конкретные методы воздействия на сознание человека, применяемые в газетах. Спектр подобных механизмов – точнее, тех из них, которые нам удалось распознать, – достаточно широк. Остановимся на них подробнее.

Наиболее популярным среди авторов «Российской газеты» и «Вашингтон Пост» является такой способ когнитивного воздействия, как цитата. Можно предположить, что применение этого механизма направлено на решение задачи по приданию большей видимой объективности публикуемых материалов – за счет апелляции к мнению, по сути, внешних для самого издания, но, как правило, авторитетных персон. Так, довольно часто приводятся слова различных экспертов по международной политике в целом и российско-грузино-американским отношениям, в частности. Нередко присутствуют ссылки и на мнения компетентных в этой области общественных и политических деятелей России и США⁹.

Совсем немного уступает цитатам такое средство воздействия на аудиторию, как проведение исторических аналогий. Чаще всего авторы статей в «Вашингтон Пост» предпочитают напоминать читателям о волнениях в Чехии в 1968 г., в Венгрии в 1956 г. и о захвате Гитлером Судетской области в 1938 г. Подтекст подобных экскурсов очевиден: действия России в грузино-югоосетинском конфликте приравниваются к действиям «агрессора» в вышеперечисленных случаях. В противовес признанию независимости Абхазии и Южной Осетии нередко упоминается ситуация, сложившаяся в Чечне: по мнению аналитиков «Вашингтон Пост», эта республика в данном отношении ничем не отличается от «мятежных грузинских анклавов»¹⁰.

Свои «коронные» исторические аналогии есть и у авторов материалов «Российской газеты». Например, ситуация с признанием независимости Косово рассматривается как прецедент, который вполне можно использовать применительно к Южной Осетии и Абхазии. Достаточно часто упоминаются также и действия США по «насаждению демократии» в Афганистане и Ираке¹¹.

В качестве других методов воздействия корреспондентами «Вашингтон Пост» довольно широко используется драматизация/преувеличение. Примером этому могут служить высказанные на страницах данного издания обвинения России в вынашивании планов по применению ядерного оружия против Польши и Украины, аннексии Южной Осетии и Абхазии¹² или провоцированию восстания в Грузии против Саакашвили¹³. Зачастую все эти размышления оказываются сдобренными применением различных лексических механизмов, повышающих степень эмоциональности и образности статьи. Среди них можно отметить юмор, стереотипизацию, упрощения и повторы.

В материалах же «Российской газеты» наиболее распространенными методами воздействия на аудиторию следует признать использование повторов, образных слов и выражений, создающих вполне определенный эмоциональный и когнитивный фон. Причем повторения применяются изданием двояко. Так, один и тот же факт может упоминаться в статье (или в разных статьях) несколько раз, либо же сами статьи могут переходить из номера в номер. При этом различия между ними зачастую могут быть минимальными. Очевидно, что тем самым издание пытается обратить особое внимание своей аудитории на материалы, в которых содержатся наиболее важные, по его мнению, факты и информация.

Подводя итог исследованию характера и особенностей освещения августовских событий на Кавказе в «Российской газете» и «Вашингтон Пост», необходимо отметить следующее. Во-первых, анализ представленной в изданиях содержательной части конфликта позволяет сделать вывод о том, что «Вашингтон Пост» в целом занимает в этом вопросе прогрузинскую позицию. Действия России трактуются им не иначе, как ошибочные, безнравственные и нарушающие всякие международные правовые нормы. «Российская газета», в свою очередь, полностью поддерживает политику властей РФ и уделяет конфликту на Кавказе значительно большее внимание, чем «Вашингтон Пост». Свое отражение это находит не только в количестве посвященных грузино-югоосетинскому конфликту статей, но и в спектре затрагиваемых в связи с ним аспектов: в отличие от «Вашингтон Пост», «Российскую газету», помимо фактологической стороны противостояния, интересуют также вопросы информационного противоборства России и Запада и деятельность международных организаций по нормализации ситуации на Кавказе.

Во-вторых, очевидно, что для пропагандирования собственной позиции оба издания используют широкий набор методов воздействия на аудиторию: определенным образом сконструированные заглавия и окончания статей, использование ярких и образных слов и выражений, цитат, исторических аналогий, драматизации, стереотипизации, повторов, упрощений и т.д.

Наконец, в-третьих, анализ характера и набора используемых изданиями методов воздействия на читательскую аудиторию позволяет говорить о том, что, по сравнению с «Российской газетой», «Вашингтон Пост» стремится более активно воздействовать как на своих рядовых читателей, так и на представителей власти, по возможности оказывая влияние на процесс принятия политических решений. В этом плане американская газета явно претендует на то, чтобы с полным правом считаться неотъемлемым элементом гражданского общества, и активно позиционирует себя как реальную власть – пусть и четвертую. «Российская газета», напротив, чаще всего ограничивается простым информированием читателей о происходящих событиях, не акцентируя особое внимание на «истинности» собственной позиции. На наш взгляд, подобная «скромность» отечественного СМИ, при условии, что она была присуща большинству российских изданий, вполне могла являться одной из причин имевших место неудач России в информационном противостоянии с Западом в августе 2008 года.

Примечания

- 1 См., напр.: *Шестаков В.* Мальчик со спичками // Рос. газ. 2008. 11 авг.; *Воробьев В.* Геностыд // Там же. 11 авг.
- 2 См.: *Воробьев В.* Грузинам разрешили прекратить насилие // Рос. газ. 2008. 6 авг.
- 3 См.: *Краутхаммер Ч.* Как остановить Путина // Вашингтон Пост. 2008. 14 авг.
- 4 Там же.; *Рамос-Мрозовски К., Ривкин-мл. Д.* Ударить Кремль по карману // Вашингтон Пост. 2008. 27 авг.
- 5 См., напр.: *Макарычев М.* Точка невозврата // Рос. газ. 2008. 9 авг.; *Ильин А.* Справиться с катастрофой // Там же. 2008. 12 авг.; *Прокофьев В.* Никола Саркози прошептал послов // Там же. 29 авг. и др.
- 6 См.: *Перлстайн С.* Удар России демонстрирует силу трубопровода // Вашингтон Пост. 2008. 13 авг.
- 7 См.: *Ривкин-мл. Д.* Ударить Кремль по карману // Вашингтон Пост. 2008. 27 авг.
- 8 См.: *Кесслер Г.* Война в Грузии демонстрирует «слабость» России // Вашингтон Пост. 2008. 28 авг.
- 9 См., напр.: *Шестаков Е.* Плохая связь // Рос. газ. 2008. 15 авг.; *Моск М.* Пока советник консультировал Маккейна, его фирма вела лоббирование в пользу Грузии // Вашингтон Пост. 2008. 14 авг.; *Доббс М.* Путин – не Гитлер // Там же. 17 авг. и др.
- 10 См., напр.: *Козн Р.* Насколько важна для нас Осетия? // Вашингтон Пост. 2008. 19 авг.; *Доббс М.* Путин – не Гитлер // Там же. 17 авг. и др.
- 11 См., напр.: *Шестаков Е.* Легенды Белого дома // Рос. газ. 2008. 27 авг.; *Юрьева Д.* Разногласия, но не «холодная война» // Там же. 28 авг. и др.
- 12 См.: *Ривкин-мл. Д.* Ударить Кремль по карману // Вашингтон Пост. 2008. 27 авг.
- 13 См.: Отступление дается нелегко (редакционная статья) // Вашингтон Пост. 2008. 19 авг.